

УДК 316.34

DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.9

**РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СОЦИАЛЬНОЙ
КОНСОЛИДАЦИИ НА ЮГЕ
РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

© 2021 г.

В. В. Узун*

** Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Симферополь, Россия*

Цель исследования заключается в выявлении ресурсного потенциала социальной консолидации на Юге России и проблем его реализации в условиях современных реалий регионального развития.

Методологическую базу исследования составляют положения пространственного подхода к изучению региона и региональных процессов, теории социальной конъюнкции и ресурсного подхода как одного из важнейших в исследовании российских регионов в пространственной парадигме.

Результаты исследования позволили сделать ключевой вывод о том, что Юг России обладает значительными социальными ресурсами, производными, прежде всего, от его многообразия – этнического, культурного, конфессионального, коммуникативного, но в контексте современных реалий эти ресурсы не в полной мере трансформируются в социальный капитал с точки зрения полезности и достижения целей консолидации регионального пространства.

Тип статьи в журнале – научная

**RESOURCE POTENTIAL
OF SOCIAL CONSOLIDATION
IN THE SOUTH OF RUSSIA:
FEATURES OF FORMATION
AND PROBLEMS
OF IMPLEMENTATION**

© 2021

V. V. Uzun*

** Crimean Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia*

Objective of the study is to identify the resource potential of social consolidation in the South of Russia and the problems of its implementation in the context of regional development's modern realities.

The methodological basis of the research was grounded on the provisions of the spatial approach to the study of the region and regional processes, the theory of social conjunction and the resource approach as one of the most important in the study of Russian regions in the spatial paradigm.

Research results brought to the key conclusion that the South of Russia had significant social resources derived from its diversity – ethnic, cultural, confessional and communicative. However, that resources faced to the context of modern realities, were not fully transformed into social capital from the point of view of the usefulness and achievement of consolidating the regional space goals.

Перспективы исследования связаны с социологическим осмыслением факторов разрушения консолидационного потенциала южнороссийского региона, формируемого на пересечении этнокультурных традиций и межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: социальная консолидация; регион; Юг России; региональное пространство; ценности; патриотизм; ресурсы.

Prospects of the study are associated with sociological understanding of the consolidation potential factors and its destruction in the South Russian region, formed at the intersection of ethnic, cultural traditions and interethnic interaction.

Keywords: social consolidation; region; South of Russia; regional space; values; patriotism; resources.

Введение

Социальная консолидация регионального социума – его мощнейший ресурс в развитии всех жизненно важных сфер жизнедеятельности, поскольку только общественное единение способно конструктивно и эффективно справиться с социальными проблемами, достаточно остро стоящими перед современной Россией и ее регионами. Среди них – проблемы, связанные с социальным неравенством, растущей и консервирующейся бедностью, снижением социального самочувствия и духовного благополучия, девиацией молодежи, ростом коррупции и социальной несправедливости. Их решение невозможно без консолидированной позиции регионального социума, а потому важно ответить на вопрос: что выступает основой социальной консолидации, как достичь высокого уровня консолидированности общества, используя ресурсный потенциал социальной консолидации? В данной статье мы попытаемся ответить на этот вопрос, проанализировав особенности формирования, направления и проблемы реализации социальной консолидации в региональном пространстве Юга России.

Особенности формирования социальной консолидации в региональном пространстве Юга России

Говоря об особенностях формирования социальной консолидации на Юге России, следует прежде всего обратиться к аксиологическому фактору, поскольку социальная консолидация основывается на разделяемых большинством ценностях. Но какими должны быть эти ценности в период ценностной трансформации общества, когда базовая матрица ценностей российского общества разрушена в период кардинальных перемен, а новая ценностная система значительно дифференцируется по возрастным, этнокультурным, региональным основаниям? Со всей очевидностью можно констатировать, что социокультурное пространство современного российского общества характеризуется хаотичным переплетением разнонаправленных ценностных установок и ориентаций.

Этот фактор, бесспорно, следует рассматривать как ключевое препятствие для консолидации и российского общества, и локальных региональных сообществ, и регионального пространства Юга России. В частности, если говорить о Юге России, то здесь наблюдаются значительные анклавы традиционной культуры, базирующиеся на этнокультурных и конфессиональных основаниях, а также субрегионы, ориентированные на модернизацию, что формирует пространство противоречий на стыке традиций и инноваций, разных ориентаций на перемены с позиций приверженности коллективистским или индивидуалистическим ценностям, порождающим различное отношение к сложившейся социально-экономической системе и реализуемому государством курсу в русле развития рыночных отношений.

Ориентированные на модернизацию и рыночные отношения слои населения, представленные в основном постсоветским поколением, придерживаются рационально-индивидуалистической ценностной системы, в то время как иные группы, сохраняющие традиционные для России коллективистские ценности, ратуют за сдерживание рыночных механизмов развития посредством государственной регуляции рынка. Найти точки соприкосновения между этими полярными ценностными ориентациями достаточно сложно, особенно в ситуации, когда сами жители страны крайне невысоко оценивают духовное состояние общества, отмечая снижение жизненно важных для развития позитивных отношений в обществе качеств за последние 25 лет. Среди них – доброжелательность, уважение к старшим и женщине, душевность, искренность, бескорыстие, честность, что просматривается на примере опроса жителей Ростовской области (Российское общество ... , 2018 С. 31). И эти данные идентичны данным всероссийского характера, а потому, как показывают данные ФНИСЦ РАН, среди россиян наиболее востребованными являются качества, «проявляющиеся прежде всего в сфере межличностных отношений: честность (75 %), трудолюбие (61 %), справедливость (54 %), ответственность за себя и своих близких (52 %)» (Российское общество и вызовы времени, 2016), т. е. то, что россияне, по сути, утратили за годы постсоветских реформ, и это демонстрируют как всероссийские данные (Российское общество ... , 2018), так и региональные (Двадцать пять лет новой России, 2018. С. 40).

К социальным ресурсам социальной консолидации относится традиционная народная культура, и для Юга России этот ресурс представляет особый интерес в контексте ярко выраженной этнокультурной составляющей социокультурного пространства данного макрорегиона. И здесь важно обратиться к результатам исследования «Культурная инер-

ционность в социальных практиках населения полиэтничных регионов Юга России» (Чикарова, 2018). Научная ценность этого исследования представляется в результатах полученных данных, из которых можно сделать вывод: «этнокультурные традиции не занимают лидирующих позиций в определении жизнедеятельности индивидов, проживающих на Юге России. Проанализированные данные демонстрируют, что в большей степени респонденты руководствуются собственными предпочтениями (38,9 %), на втором месте – обычаи семьи и круга общения (23,4 %), затем личная выгода (11,9 %) и законы страны (10,7 %), а этнокультурные традиции и обычаи отмечают как важные только 8,3 % респондентов» (Чикарова, 2018. С. 135).

Безусловно, в разных субъектах Юга России отношение к традициям как регулятивным нормам различное, и в республиках этого региона оно более значимо и ценно, нежели в таких субъектах, как Ростовская область и Ставропольский край, что объясняется этнонациональным составом обследуемых регионов. Так, Ростовская область и Ставропольский край относятся к регионам с доминирующим в составе населения русским этносом, не отличающимся сильным влиянием этнической культуры, в отличие от других субъектов Юга России, где проживают представители других этнических групп, сохраняющих на достаточно устойчивом уровне традиционную этническую культуру.

В большей степени, как показало вышеуказанное исследование, жители Юга России в повседневной жизни руководствуются нормами права, считая их приоритетными в решении социальных и бытовых проблем, что позволяет нам сделать вывод, что интегрирующими нормами населения Юга России в большей степени являются публичные ценности, в частности правовые, нежели этнокультурные традиции, которые поддерживаются и воспроизводятся на уровне семейно-брачных отношений, межпоколенческих отношений, не будучи основными регуляторами повседневных практик жителей данного региона. На этом основании можно заключить, что они обладают определенным ресурсным потенциалом в плане консолидационных процессов в регионе, но на уровне локальных этнокультур и этногрупп относительно макрорегиональной социальной консолидации их потенциал значительно ниже публичных ценностей, единых для всего регионального социума.

В качестве важного ресурса социальной консолидации ученые также называют социальный капитал (Portes, 1998), при этом указывая на то, что он может как сплотить общество, так и, наоборот, разобщить, понимая при этом под социальным капиталом «инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение

социальных проблем» (Полношкевич, 2013. С. 61). К элементам социального капитала как ресурса социальной консолидации относят доверие, толерантность, этнокультурное многообразие общества, а его формирование и уровень в каждом обществе варьируются от ряда факторов, связанных с регулятивным характером социальных институтов и их эффективностью, с развитостью структур гражданского общества, уровнем доверия, характером социальных коммуникаций и т. д.

Мы полагаем, что в число важных элементов социального капитала в контексте ресурсной составляющей социальной консолидации следует включить также субъектность социальных групп, индивидов и регионального социума в целом, поскольку только в условиях осознания важности субъективного фактора в восприятии и решении ключевых проблем в различных сферах общественной жизни он может стать основанием для консолидированной позиции относительно того или иного решения.

Эта позиция пересекается с теоретическими положениями ресурсного подхода, в рамках которого сама сущность социальных ресурсов состоит во включенности в социальную деятельность в конкретное время и в определенном пространстве, а ценность социальных ресурсов состоит в их полезности – то, что не может быть использовано, хотя и существует объективно, ресурсом, по сути, не является, так как не наделено ценностью полезности и возможностью использования (Чернега, 2014. С. 157).

По сути, ресурсы во многом являются и капиталом, поскольку доступ к ним определяет социальный капитал личности, группы, сообщества, становясь фактором социальной дифференциации и расслоения. Об этом пишет в своей работе В. А. Ядов с позиций деятельностно-активистской парадигмы, выводя универсальную категорию «ресурсоёмкость социальных субъектов», с помощью которой, как он полагает, можно рассматривать агентов социальных процессов – социальные группы и слои, социальные движения, различные гражданские структуры и даже отдельных индивидов. Переведенный в действие социальный ресурс, т. е. использованный в определенном формате, трансформируется в социальный капитал, а потому Ядов считает, что более правильно использовать понятие «социальный капитал», если речь идет о социальных агентах, изменяющих своими практиками систему норм и взаимоотношений (Ядов, 2004).

В этом плане хочется отметить, что Юг России обладает значительными социальными ресурсами, производными прежде всего от его многообразия – этнического, культурного, конфессионального, комму-

никативного, но в контексте современных реалий эти ресурсы не в полной мере трансформируются в социальный капитал с точки зрения полезности и достижения целей консолидации регионального пространства Юга России. Можно сказать и иначе, отталкиваясь от идеи, что социальный капитал может иметь и обратные, т. е. деструктивные, последствия – он может и сплотить общество, и, наоборот, разобщить в зависимости от направленности использования социального капитала в форме реализации ресурсоемкости социальных субъектов. И мы наблюдаем, что такие социальные ресурсы, как религия с ее потенциалом в формировании доверия, этническое самосознание, этническая идентичность и патриотизм, трансформируются в социальный капитал негативного типа с точки зрения решения проблемы консолидации регионального социума. Если говорить о религии, то стоит привести мнение М. М. Мчедловой, указывающей на то, что религия снова активно возвращается в публичное пространство, определяя уже не столько частную жизнь людей, сколько формы социальных отношений и процессов, причем как конструктивные, так и деструктивные (Мчедлова, 2019). Последние ярко проявляют себя в виде религиозного экстремизма, наиболее развитые формы принимающего в регионах, традиционно исповедующих ислам. Выражением высокой динамики влияния религиозного экстремизма на развитие этих регионов, сконцентрированных в региональном пространстве Юга России, является активное вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры (Круглова, 2019). Исследования, проведенные на Северном Кавказе, позволили сделать вывод, что из семи самых конфликтогенных факторов на социально-политическую и межэтническую ситуацию в данном регионе наиболее сильное воздействие оказывают факторы религиозности и конфессиональности. Более того, их влияние будет только возрастать, подпитываемое неблагоприятной социально-экономической ситуацией (Авксентьев, 2016).

Патриотизм также является важнейшим ресурсом консолидации общества, поскольку позволяет объединить совместные усилия для решения социально значимых задач, но, будучи «приватизированным» властной элитой, используется в сугубо политических целях, хоть и значимых для государства как актора международных отношений, но не ориентированных на решение проблем региональных сообществ на основе устойчивых патриотических ценностей и практик, способных обеспечить в долгосрочной перспективе стабильный характер совместных консолидационных практик.

Так, анализ формальных управленческих практик на Юге России показал, что через них реализуются традиционные механизмы патриоти-

зации населения, направленные на воспроизводство патриотизма государственного (державного, этатистского, в западной традиции – «слепого») типа, который не содействует формированию в регионе социального актора, способного своими практиками изменить сложившуюся социальную ситуацию. Такой тип патриотизма определяет в качестве важного субъекта патриотизма само государство, а общество превращается в объект патриотического воспитания (Верещагина, 2017).

Примечательно, что именно государственный тип патриотизма, ресурсной базой которого являются военно-патриотические, героические и мобилизационные патриотические практики, позволяет региональным органам власти достаточно эффективно решать ряд важных управленческих вопросов, связанных с социальной интеграцией и консолидацией регионального социума, с апелляцией к общим ценностям, интересам и региональной идентичности. Однако возникает закономерный вопрос: способен ли такой государственный патриотизм решить спектр вопросов в сфере регионального управления, связанных с защитой интересов и потребностей регионального социума с его проблемами социальной безопасности, социальной стабильности, уровня и качества жизни, социального неравенства и расслоения, коррупции и безработицы? Для этого необходим высокий уровень гражданской самоорганизации и социальной активности, т. е. наличие того самого социального актора, который обладает ресурсоемкостью в виде социальной субъектности.

Очевидно, что государственный патриотизм этому не способствует, так как воспроизводит на уровне массового сознания и поведенческих практик патернализм, являющийся барьером в развитии социального партнерства и должного уровня социального участия (Vereshchagina, 2019). Несмотря на то что консолидация российского общества, ресурсная база которого – государственно-патриотическая идеология, ознаменовалась определенными эффективными результатами в плане единения жителей страны, такие стратегически важные целевые направления консолидации, как формирование гражданской идентичности, институционального, межгруппового и межличностного доверия, решение острых социальных проблем совместными усилиями и средствами эффективной социальной политики, остались нереализованными.

И в региональном пространстве Юга России со сложной этносоциальной структурой по-прежнему наблюдаются негативные консолидационные эффекты, связанные с идентификационными процессами и этнонационалистическими тенденциями (Молодов, 2016. С. 90).

«Патриотическую идею рождает практика бытия, в этом смысле она – сотворение повседневной жизни» (Ореховская, 2016). Иными сло-

вами, ученые стремятся провести идею, что не патриотизм становится фактором изменения социального бытия, а сама реальность оформляет патриотизм в его смысловом и деятельностном содержании, а отсюда можно вывести интересную мысль, что не патриотизм консолидирует общество, решая проблемы кризиса социальной сплоченности, дезинтегрированности, разобщенности, как полагают некоторые ученые (Рожкова, 2014), а консолидированное общество становится источником формирования здорового, конструктивного патриотизма, рожденного совместной деятельностью социальных групп, организаций, сообществ на благо страны, регионального социума и т. д.

Полагаем, что и тот, и другой подход как выражение крайних позиций достаточно сомнительны, а вот их симбиоз может дать верное представление о ресурсной базе и патриотизма, и социальной консолидации.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что патриотизм обладает мощным ресурсным потенциалом, в своей основе позволяющим консолидировать общество вокруг социально значимых целей и задач, в связи с чем управление консолидационным потенциалом патриотизма становится значимым фактором общественного развития. С позиций критического осмысления российской социально-политической реальности проблема управления консолидационным потенциалом патриотизма на Юге России, региональное пространство которого представлено сложным переплетением этнокультурных, конфессиональных, этнополитических и экономических процессов, характеризуется напряженностью и противоречивостью межэтнических отношений, поэтому можно сделать вывод, что очевидный консолидационный и солидаристский потенциал патриотизма в случае его эффективного использования в региональном пространстве Юга России может стать основой гармонизации межэтнических отношений и решения острых социальных проблем. Однако все зависит от того, какая парадигма патриотизма (этатистская, гражданская и т. д.) в стратегиях региональных властных структур и организаций регионального социума берется за основу. Этатистский вектор патриотизации населения Юга России, соответствующий общероссийской логике патриотического воспитания граждан страны на фоне «сворачивания» демократического курса развития Российского государства, приводит к тому, что патриотизм становится мощным ресурсом политического воздействия, а его консолидационный потенциал используется с целью укрепления правящей элиты и проводимого ею политического курса. В результате актуализации военно-исторической памяти и конструирования исторического сознания с опорой на героические события прошлого в молодежной среде формируется острый дефицит гражданственности в

структуре патриотизма, что негативно влияет на консолидационные процессы на Юге России с точки зрения преодоления тенденций негативной (деструктивной) консолидации в этнокультурных кругах и общностях.

Современное общество стало сложным, и управлять им тоже не просто, особенно в условиях Юга России с его сложнейшей этносоциальной структурой, целой палитрой идентификационных процессов, имеющих свои специфические особенности, зачастую препятствующие консолидации общества. Однако без учета этого идентификационного ресурса консолидировать такой полиэтничный, поликонфессиональный и характеризующийся напряженными этноконфессиональными отношениями регион, как Юг России, не представляется возможным.

Мы можем констатировать, опираясь на данные о специфике протекания идентификационных процессов на Юге России (Денисова, 2011), окрашенных в этноконфессиональные тона, что этот ресурс (идентификационный) также используется недостаточно эффективно в рамках консолидации регионального пространства, но достаточно эффективно в рамках его деконсолидации.

Юг России настолько дифференцирован в этнокультурном и конфессиональном плане, что формирование региональной идентичности в границах данного макрорегиона – задача не из простых, но принципиально значимых для консолидации регионального пространства, особенно если учесть, что согласно одному из определений региональной идентичности, которое нам импонирует, под ней следует понимать «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие “практическое чувство” (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» (Корепанов, 2009). В этом определении фигурирует категория смысла как центральная для идентификации населения региона. Она же является центральной в нашем понимании социальной консолидации как процесса, характеризующегося сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ними социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения.

Ресурсная обеспеченность социальной консолидации регионального пространства предполагает также учет экономических, политических, демографических ресурсов. На последних нам хотелось бы остановиться, изначально определив, что демографические ресурсы, конечно же, являются ресурсообразующими регионального пространства в целом, которое не может, собственно, состояться и быть без народонаселения, а его демографическая специфика и динамика детерминируют все направ-

ления и сферы жизнедеятельности социума. Демографическая ситуация на Юге России складывается неоднозначно и значительно дифференцируется по субъектам этого макрорегиона с традиционно более высокой и стабильной рождаемостью в республиках Северного Кавказа и низкой в субъектах с доминирующим русским населением, что связано с трансформационными процессами в сфере семейных отношений, которые еще не в столь значительной мере затронули традиционные семейные устои северокавказских народов в отличие от русского народа (Загирова, 2017).

Особо хотелось бы нам остановиться на Республике Крым, сравнительно недавно вошедшей в состав Российской Федерации и испытывающей трудности интеграции в общероссийское пространство и пространство южнороссийского региона. Эта ситуация актуализирует демографическую составляющую развития Республики Крым как движущую интеграционную силу, определяющую количественный и качественный потенциал человеческого капитала. Последний является основой пространственного развития Крымского региона (имеются в виду демографические показатели воспроизводства населения).

Если обратиться к демографическим показателям последних лет¹, то можно зафиксировать негативные черты, характеризующие демографическую обстановку в Крыму как неблагоприятную: снижение рождаемости, рост разводов, смертности, несбалансированные миграционные потоки, деформационные процессы в половозрастной структуре населения, связанные с увеличением доли населения пожилого возраста. Указанные факторы в совокупности с системным социально-экономическим кризисом стали основанием для формирования ключевых направлений социальных и демографических процессов накануне распада СССР. И неудивительно, что сейчас они дают о себе знать, негативно влияя на общую демографическую ситуацию в Крыму и консолидационные процессы в регионе.

В целом, как отмечают ученые, характер демографических проблем крымского регионального сообщества напоминает общероссийскую демографическую ситуацию с учетом кризисных факторов в сфере рождаемости, смертности, качества населения (его физическое и духовное здоровье), трансформации социальной и этнокультурной структуры региона, влияния на данный процесс миграционных потоков (Верещагина, 2018).

---

¹ Федеральная служба государственной статистики Республики Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/.

Проблемы реализации ресурсного потенциала социальной консолидации на Юге России с позиций концепции социальной конъюнкции

Обобщая анализ ресурсного потенциала социальной консолидации в региональном пространстве Юга России, имеет смысл обратиться к концепции социальной конъюнкции, в рамках которой рассматриваются конъюнктивные ресурсы социальной консолидации (Кармадонов, Ковригина, 2016). Основными из числа конъюнктивных ресурсов социальной консолидации являются социокультурные, включающие весьма обширный спектр элементов, связанных с цивилизационными и пространственными особенностями региона, уровнем гражданской активности и государственной политики, символической системой общества, его социальной памятью и идеологемами. Но, как пишут ученые, эти ресурсы, связанные с социокультурной сферой, могут стать источником как социальной конъюнкции – процесса, ориентированного на социальное воспроизводство на основе социальной консолидации, так и социальной дизъюнкции (Кармадонов, Ковригина, 2016. С. 24). Ключевым актором в данном процессе является государство, задающее конъюнктивный дискурс в виде вектора государственной политики в важнейших социальных сферах жизнедеятельности – образования, экономики, политики, культуры, здравоохранения и т. д.

Можно в качестве примера привести сферу образования российского общества в целом и Юга России в частности, которая, как никакая другая, обладает ресурсами конъюнкции и призвана вырабатывать ценности и смысловые паттерны, связанные с целями консолидации общества на основе единой гражданской идентичности, полноценной гражданственности, смысложизненных ориентиров, включенных в социокультурный код нации. Однако на практике наблюдается совершенно иная ситуация: образование воспроизводит систему сложившегося (несправедливого) социального неравенства, идет на поводу у рыночных запросов, не выступая рупором эпохи, должным задавать социокультурную траекторию развития, а превратившись в техносферу, когда уже не смыслы, идеи и ценности определяют саму сущность образования и образовательного процесса, а цифры, рейтинги, баллы. Если мы снова обратимся к эмпирическим реалиям, то увидим, что система образования на Юге России представляется в глазах населения как одна из самых коррумпированных, поскольку именно в сфере образования опрошенные респонденты ряда субъектов южнороссийского региона чаще всего

сталкиваются с проявлениями коррупции¹. Очевидно, что в таком состоянии система образования выступает в роли сферы, продуцирующей риски дизъюнкции.

Иными словами, конъюнктивные эффекты могут носить разнонаправленные результаты, порождая конъюнктивные риски. Эти риски есть следствие отсутствия единого конъюнктивного кода, представляющего собой нормативно-ценностный комплекс в виде смыслов прошлого, настоящего, будущего, детерминирующих социальные оценки, восприятие обществом себя в мире и сам окружающий мир, т. е. в этом коде должна быть зашифрована мировоззренческая и идеологическая картина мира конкретного социума. Приведенные выше данные о состоянии социокультурных ресурсов социальной консолидации (идентификация, патриотизм, социальный капитал и т. д.) позволяют сделать вывод об отсутствии такого кода на современном этапе, что и порождает эффект дизъюнкции в региональном пространстве Юга России и, как следствие, деконсолидационные процессы.

Выводы

К социальным ресурсам социальной консолидации относят такие, как гражданская, религиозная и этническая идентичность, традиционная народная культура, человеческий и социальный капитал, субъектность индивидов и социальных групп. В большей степени, как показал анализ эмпирических источников, жители Юга России в повседневной жизни руководствуются нормами права, считая их приоритетными в решении социальных и бытовых проблем. Это позволяет сделать вывод, что интегрирующими нормами населения Юга России в большей степени являются публичные ценности, в частности правовые, нежели этнокультурные традиции, которые поддерживаются и воспроизводятся на уровне семейно-брачных отношений, межпоколенческих отношений, но не являются основными регуляторами повседневных практик жителей данного региона.

Ресурсная обеспеченность социальной консолидации регионального пространства предполагает учет также экономических, политических, демографических ресурсов. Демографическая ситуация на Юге России складывается неоднозначно и значительно дифференцируется по субъектам этого макрорегиона с традиционно более высокой и стабильной

---

¹ Опрос на Северном Кавказе, 2017: коррупция и ухудшение экономического положения подрывают авторитет власти в регионе. URL: <http://caucasustimes.com/ru/opros-na-severnom-kavkaze-2017-korrupcija-i-uhudshenie-jekonomicheskogo-polozhenija-podryvaet-avtoritet-vlasti-v-regione/>; Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения, 2017. URL: <http://caucasustimes.com/ru/kabardino-balkarija-v-zerkale-obshhestvennogo-mnenija-2017/>.

рождаемостью в республиках Северного Кавказа и низкой в субъектах с доминирующим русским населением, что связано с трансформационными процессами в сфере семейных отношений, которые еще не в столь значительной мере затронули традиционные семейные устои северокавказских народов в отличие от русского народа

В качестве важного ресурса социальной консолидации выступает социальный капитал. Юг России обладает значительными социальными ресурсами, производными прежде всего от его многообразия – этнического, культурного, конфессионального, коммуникативного. Но в контексте современных реалий эти ресурсы не в полной мере трансформируются в социальный капитал с точки зрения полезности и достижения целей консолидации регионального пространства Юга России.

Литература

Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92–99.

Верещагина А. В. Демографические индикаторы развития Крыма и его интеграции в общероссийское пространство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), спецвып. 1. С. 98–102.

Верещагина А. В., Волков Ю. Г. Патриотическое воспитание в организациях высшего образования: опыт социологической экспертизы новых социальных практик (на материалах всероссийского социологического исследования) // Организация работы по патриотическому воспитанию в образовательных организациях высшего образования: сб. материалов Всерос. студ. науч.-практ. конф. (Майкоп, 21–24 ноября 2017 г.). Майкоп, 2017. С. 15–22.

Двадцать пять лет новой России: Ростовская область / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2018. С. 31, 40.

Денисова Г. С., Клименко Л. В. Южно-российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 29–33.

References

Avksentiev, V. A., Gritsenko, G. D. (2016). Ethnopolitical situation in the North Caucasus: expert assessment. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 1, 92-99. (in Russian).

Vereshchagina, A. V. (2018). Demographic indicators of the development of Crimea and its integration into the all-Russian space. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, 4 (70), 1, 98-102. (in Russian).

Vereshchagina, A. V., Volkov, Yu. G. (2017). Patriotic education in institutions of higher education: the experience of sociological examination of new social practices (based on the materials of the All-Russian sociological research). *Organization of work on patriotic education in educational institutions of higher education: a collection of materials of the All-Russian student scientific and practical conference* (Maykop, November 21-24, 2017). Maykop, 15-22. (in Russian).

Twenty-five years of new Russia: Rostov region. (2018). Resp. ed. Yu. G. Volkov. *Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya Publ.*, 31, 40. (in Russian).

Denisova, G. S., Klimenko, L. V. (2011). South-Russian identity: a missed opportunity to integrate a multicultural region. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 6, 29-33. (in Russian).

Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 298–303.

Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 12–28.

Корепанов Г. С. Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // Вестник РУДН. Социология. 2009. № 4.

Круглова А. Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2019. 20 с.

Молодов О. Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82).

Мchedlova M. M. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора. Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=46119>.

Ореховская Н. А., Ореховский А. В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3.

Полюшкевич О. А. Оценка социального капитала и перспективы консолидации: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 2013. № 1 (66).

Рожкова Л. В. Ценности патриотизма в структуре ценностей современной студенческой молодежи // Поиск. 2014. № 1.

Российское общество и вызовы времени : в 5 кн. Кн. 4 / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2016.

Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены : информ.-аналит. докл. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 55 с.

Чернега А. А. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник КемГУ. 2014. № 2 (58).

Zagirova, E. M. (2017). Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family. *Izvestiya Saratovskogo universitetata. Sotsiologiya. Politologiya*, 17, 3, 298–303. (in Russian).

Karmadonov, O. A., Kovrigina, G. D. (2016). Social conjunction in the resource aspect. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 17, 12–28. (in Russian).

Korepanov, G. S. (2009). Regional identity in the discourse of the sociology of regional development. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 4. (in Russian).

Kruglova, A. Yu. (2019). Destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures in the South of Russia: formation, interaction, activity and methods of counteraction. (Candidate Dissertation Abstract, Southern Federal University, Rostov-on-Don). (in Russian).

Molodov, O. B. (2016). Social consolidation in a new reality: the problem of social activity and identity of the population of the region. *Problemy razvitiya territorii*, 2 (82). (in Russian).

Mchedlova, M. M. Social consolidation of Russian society: the role of the religious factor. Available at: <http://www.oboznik.ru/?p=46119>. (in Russian).

Orekhovskaya, N. A., Orekhovsky, A. V. (2016). Patriotism as a creative ideology of Russian society. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 3. (in Russian).

Polyushkevich, O. A. (2013). Assessment of social capital and the prospects for consolidation: gender aspects. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1 (66). (in Russian).

Rozhkova, L. V. (2014). Values of patriotism in the structure of values of modern student youth. *Poisk*, 1. (in Russian).

Russian society and the challenges of the time. In 5 books. Book 4. M. K. Gorshkov [and others]; eds. M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves mir Publ. (in Russian).

Russian Society after the 2018 Presidential Elections: Request for Change: Information and Analytical Report. (2018). Moscow: FCTAS RAS Publ. (in Russian).

Chernega, A. A. (2014). Specificity of social resources: from understanding to application. *Vestnik KemGU*, 2 (58). (in Russian).

Чикарова Г. И. Традиция как этнокультурная универсалия повседневных социальных практик населения Юга России // Гуманитарий Юга России. 2018. № 5. С. 152–164.

Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. М., 2004. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/297/679/1219/040.IADOV.pdf>.

Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.

Vereshchagina A. V., Volkov Yu. G., Lyuev A. K., Rachipa A. V., Uzunov V. V. Management of Consolidation Potential of Patriotism in the Regional Space of The South of Russia // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8, No. 3. P. 400–406.

Для цитирования: Узунов В. В. Ресурсный потенциал социальной консолидации на Юге России: особенности формирования и проблемы реализации // Гуманитарий Юга России. 2021.4 (50). С. 125–139.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.9

Сведения об авторах

Узунов Владимир Владимирович

Доктор политических наук, доцент,
директор, Крымский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

295021, г. Симферополь,
ул. им. газеты Крымская правда, 4,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Chikarova, G. I. (2018). Tradition as an ethnocultural universal of everyday social practices of the population of the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 5, 152–164. (in Russian).

Yadov, V. A. (2004). The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society. Moscow. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/297/679/1219/040.IADOV.pdf>. (in Russian).

Portes, A. (1998). Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, 24.

Vereshchagina, A. V., Volkov, Yu. G., Lyuev, A. K., Rachipa, A. V., Uzunov, V. V. (2019). Management of Consolidation Potential of Patriotism in the Regional Space of The South of Russia. *International Journal of Applied Exercise Physiology*, 8, 3, 400–406.

История статьи:

Поступила в редакцию – 30.06.2021 г.

Получена в доработанном виде –
02.08.2021 г.

Одобрена – 30.08.2021 г.

Information about authors

Vladimir Vladimirovich Uzunov

Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Director, Crimean Branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences

4 im. gazety Krymskaya Pravda,
Simferopol, 295021,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru